

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

**ДОМ,
ГДЕ ВЗРЫВАЮТСЯ
СЕРДЦА**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

В коллаже на обложке использованы иллюстрации из книг:
«Токсичная кровь»
серия «ИМПЕРСКИЙ СЫСК от Евгения Сухова». Худ. *И. Варавин*.
«Академия воровского дозора»
серия «ИМПЕРСКИЙ СЫСК от Евгения Сухова». Худ. *И. Варавин*.
«Убойный репортаж»
серия «Я – вор в законе». Худ. *И. Варавин*.

Зверев, Сергей Иванович.
3-43 Дом, где взрываются сердца / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-04-094474-3

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж его книг составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя — неизменный знак качества каждой новой книги.

Журналист Валерий Валдаев известен громкими газетными публикациями на всякого рода «потусторонние» темы. При этом он, мягкий и безобидный человек, даже не подозревает, насколько опасна любая связь с миром Тьмы. Переворот в его сознании случается в тот момент, когда он приходит в себя рядом с трупом зверски убитой кем-то знакомой девушки и слышит, как в дверь ломится приехавшая по вызову опергруппа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094474-3

© Рясной И., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Часть первая

ЗВОНОК С ТОГО СВЕТА

-В нем не осталось ни кровинки, — сказал старший следователь Московской городской прокуратуры, нагибаясь над трупом.

— Ни кровинки, — кивнул оперативник Московского уголовного розыска майор Кучер. — Потрудились над ним плотно.

Место происшествия освещали фары двух милицейских автомобилей. Народу собралось немало — эксперты, медик, милицейское начальство, дежурный следователь из межрайонной прокуратуры. Труп лежал на краю оврага в скрюченной позе, будто пытаясь защититься от жестоких ударов.

Засверкали огни вспышек фотоаппаратов.

Майор присел на колено, взял труп за плечо. Тот с готовностью перевалился на спину, разбросав руки.

— Наш клиент, — со странным удовлетворением кивнул Кучер.

— Наш, — согласился старший следователь. — Их ни с кем не спутаешь.

Действительно, их «клиента» с кем-то спутать было трудно. У их «клиентов» неизвестный злодей (или злодеи — следствию то неизвестно) выдирали сердца. А потом сцеживал кровь, притом тщательно, будто она представляла какую-то ценность.

Грудь убитого была обезображена страшной вывернутой раной. Сердце выдрано. Как обычно...

— Четвертый по счету... Сколько он здесь лежит? — спросил майор Кучер судебного медика.

— Холода были, — пожал медик плечами. — Наверное, дней пятнадцать.

— Пятнадцать, — задумчиво протянул майор Кучер. — Все сходится...

— Не понимаю. Зачем все это? — с каким-то глухим надрывом произнес старший следователь, кивая в сторону трупа. — На выемку внутренних органов не похоже. Эксперты говорят, что сердца так не изымают. И кровь... Зачем?

— Кто проникнет в душу маньяка? — бросил Кучер.

— Если у них есть душа, — вздохнул старший следователь.

— Душа-то есть у всех. Вопрос — какая у них душа. Что в этой душе, — взгляд майора на миг затуманился.

— Чужая душа — потемки, — брякнул невпопад старший следователь и заработал угрюмый взор Кучера.

— Это у нас — потемки... А у них — тьма.

— Хоть бы какая зацепка. Прошлые убийства были сработаны безукоризненно — не за что нам хватиться, — посетовал старший следователь. — Ну не за что!

— Преступник когда-нибудь да ошибается.

— Ну и что нам делать, пока он не ошибется? — раздраженно спросил старший следователь.

— Ждать. Нового трупа. У нас — больше двух недель.

— Да уж. Раз в два месяца — новый труп. Восемь месяцев — четыре трупа, — старший следователь показал четыре пальца. — Почему маньяк не делает никаких попыток скрыть тела?

— А ему хочется напомнить людям о себе, — произнес Кучер.

— Почему? — Старший следователь передернул плечами.

— Чтобы боялись. Чтобы любую ночную тень принимали за его тень. Любой ночной шорох принимали за его легкую поступь. Им нужен страх. Они питаются страхом так же, как мы ножками Буша...

* * *

Затарабанила автоматная очередь.

Почему автоматная? Просто кто-то быстро стучал серебряным ножом по расставленным в ряд хрустальным бокалам...

— Черт, — прошептал Валдаев и заворочался в постели. Наконец сообразил, кто он и где находится... Какие, к лешему, бокалы? Какой автомат? Это трезвонит у изголовья кровати радиотелефон «Сони». Хороший телефон. За двести баксов. Вот только звенит противно...

Телефон замолк.

Валдаев приоткрыл глаза. На стене зеленою мигали часы.

Нервно пульсировали секунды. Полтретьего. Ночи или дня?

Холера, ну конечно, ночи! Сейчас ночь — прочь сомнения. И в полтретьего ночи какая-то косорукая сволочь ошиблась номером. Или на телефонной станции замкнули реле с ячейками.

Валдаев натянул на голову одеяло и повернулся на другой бок...

Дзинь — телефон отчаянно заголосил снова...

Сердце на миг сжалось в груди, а потом заколотилось сильнее. Трубку брать не хотелось. Но к четвертому звонку Валдаев уже протянул руку к трубке.

Спросонья он вяло произнес:

— Алло.

Ответом послужило молчание.

— Алло, — повторил он, чувствуя, что сердце колотится сильнее.

Нет ответа.

— Алло! — в третий раз воскликнул он, уже более нервно.

Закапали тонкие гудки.

Валдаев сжал трубку, вздохнул и положил ее на аппарат.

Прикрыл глаза. Сердце колотилось. Внутри стало как-то холодно. Ох, как теребят душу ночные звонки. Будто кто-то вторгается в твою обитель.

Спать, спать... Валдаев обхватил подушку.

Растревоженный, он заснул только минут через сорок.

Дзинь...

Валдаев очнулся не сразу. Часы показывали четыре. Что же это делается?

На восьмой звонок он схватил трубку.

— Совесть есть, а?

И опять тянучее молчание.

И опять гудки.

Может, что-то все-таки замкнуло на линии? Если бы. Он ясно слышал чье-то дыхание. На душе стало гадко.

Четыре часа. Час быка. Час самоубийц. Самый тяжелый час в сутки. Ночь готовится отступить перед рассветом и выплескивает всю свою тоску на бодрствующие умы...

Сон испоганен. Его интимной приятственности как не бывало.

Валдаев, кряхтя, встал, отправился на кухню. Налил из фарфорового кувшина стакан кипяченой воды. С отвращением выпил — промочил немного горло. Закурил «Честерфильд». В пачке была последняя сигарета. С дымящейся сигаретой и пепельницей вернулся в комнату.

— Ну? — прошептал он как дурак телефону, думая, что тот зазвонит снова.

Но тот молчал.

Валдаев глубоко затянулся. Сигарета дрожала в пальцах.

Ночь была осквернена. Будто его выкинули из теплой избушки на пронизывающий ветер. Кажется, что за подобными звонками скрывается нечто гораздо худшее, чем чья-то ошибка. Что некто с пустотой вместо лица протягивает свою холодную руку через провода в эту квартиру. И он, откуда-то с той,

сумрачной, стороны бытия, имеет власть над его, Валдаева, страхами.

— Во дурак, — обозвал он себя и плюхнулся на диванчик, зарыл лицо в подушку.

Но сон объявил ему бойкот. Уговорить его удалось только под утро, когда ночная темень уже растворялась, как черный кофе, куда капнули сливок.

Когда Валдаев проснулся, в окно лились ласковые солнечные лучи. Они легко смывали все ночные страхи и сомнения. Ночь ушла. Сумеречная зона отступила.

Бритва со скрежетом поглощала щетину на щеках. Валдаев терпеть не мог сам процесс бритья. Ему не нравилось, как плавающие лезвия въедаются в щетину. Может, отрастить бороду?

— Морда, — вздохнув, прошептал он, глядя на свое отражение в зеркале в ванной.

Он давно утратил иллюзии по поводу собственной внешности и даже начал смиряться с ней. Лысина слишком рано отвоевала себе почти всю голову, и теперь на гладкой коже отражались солнечные лучи — зайчики можно пускать. В тридцать четыре года такое брюхо и такая лысина — это неприлично. А если бы бороду еще? С ней он вовсе станет похож на сельского батюшку.

По потолку пробежал отраженный солнечный блик. Стекло неторопливо ползущего по улице автомобиля поймало солнечный луч и бросило его на потолок.

Теплое апрельское утро. Понедельник. Начиналась новая неделя. Как всегда, суетная. И с привычной сумасшедшинкой. Обычная рабо-

чая неделя корреспондента газеты для астрально продвинутых и космически повернутых «Запределье»...

* * *

— Во, получи, — главный редактор газеты «Запределье» Николай Николаевич Сомин двинул через свой редакторский полированный стол неряшливую толстую стопку писем.

— Это чего? — осведомился Валдаев.

— Редакционная почта, — с гордостью произнес главред. — На твою статью.

Писем было штук тридцать, что сегодня, при взлетевших почтовых расценках, общей апатии населения и прогрессирующем равнодушии к печатному и непечатному газетному слову, такая почта была уже событием.

— Это по интервью с «пантерой»? — спросил Валдаев, кинув беглый взгляд на первое письмо.

— С ней. Народ ждет продолжения, — главред взял лежащую на пепельнице дымящуюся курительную трубку и попытался ею.

— А надо? — спросил Валдаев.

— Чего насупился? Не хочется?

— Не хочется, — признался Валдаев, которому эта статья встала поперек горла.

— А придется... Интерес читателя надо подогреть. Читателя надо любить, — завел главный старую песенку.

— Но странною любовью, — брякнул Валдаев.

— Читатель голосует за нас рублем. — Сомин строго посмотрел на своего подчиненного, и тот

сник под этим суровым взором старшего товарища по партии, в свое время насквозь видевшего тех, кто шагает не в ногу с основной линией.

Сомин был страшным занудой. Полжизни он провел на руководящих должностях в журналах «Агитатор и пропагандист», «Молодой коммунист». И привык свято чтить генеральную линию. Просто раньше линия такая была — ликовать по поводу увеличения поголовья крупного рогатого скота и роста проката черных металлов. Теперь Сомина больше заботило увеличение в средней полосе России поголовья вампиров и ударный рост проката порнопродукции.

В журналистском деле Сомин ни бельмеса не понимал. Стиль имел казенный и суконный. Даже статьи о ведьминых шабашах и астральных агрессорах у него выходили скучные, что-то в них неуловимо напоминало передовицы в «Молодом коммунисте». Но он был начальником. Свято следовал принципу — «я начальник — ты дурак, и наоборот». И пер по жизни асфальтоукладчиком, не имея привычки сворачивать хоть на сантиметр и обращать внимание на пiski и стоны кого-то, кто случайно попал под каток или хрустнул в шестеренках...

— В общем, линию понимаешь, — хлопнул ладонью по столу Сомин. — Материал к утру должен быть.

— К утру?

— Завтра загоняем в набор. В четверг выйдет. Иди, работай, — главред пододвинул к себе красную папку и открыл, демонстрируя, что разговор закончен.

Валдаев открыл «дипломат», загреб рукой, как ножом бульдозера, письма и свалил их внутрь. В спо-

койной обстановке бегло просмотрит их. Понавыдерживает несколько цитат для следующего материала.

Он вышел в длинный, зелено-обшарпанно-тусклый коридор, беспорядочно перегороженный старыми шкафами и поломанными стульями, заваленный кипами нереализованных газет и книг. Здесь царила обманчивая и неизменная атмосфера начинающегося ремонта. Здание некогда принадлежало государственному издательству, которое успешно превратилось в товарищество с ограниченной ответственностью, после чего на радостях те самые «товарищи с ограниченной ответственностью» выперли большинство редакторов, сократили число выпускаемых книг до вопиюще мизерных цифр и стали жить припеваючи, сдавая помещения частным издательствам, газетам и просто фирмам. На этаже «Запределье» занимало три кабинета.

В корреспондентской комнате уже царила Нонна — дородная дама с царской выправкой. От роду ей было лет сорок, хотя она никогда бы не призналась в этом. Сегодня на ней был пушистый желтый свитер, придававший еще больший объем ее телесам и делавший ее похожей на жирного птенца птицы Рух.

На груди сияла здоровенная бляха, напоминающая звезду шерифа. Преподаватель Московского института стали и сплавов, потом торговка гвоздиками и теперь титулованный экстрасенс, она подрабатывала по совместительству в «Запределье», писала какие-то мракобесные статьи типа «влияние семян резеды и толченого мышинового помета на половую активность человеческих самцов в июне и августе предвисокосных лет». Сейчас она трудилась над заказной статьей — что-то

вроде производственного очерка о школе ведьминского мастерства.

— Здравствуй, — сказал Валдаев.

— Привет, — Нонна отвлеклась от компьютера. — Дай сигарету.

Валдаев нехотя полез за пачкой.

— Давай-давай, не жидись, — понукала Нонна.

Она всегда у кого-то что-то стреляла. У Валдаева — сигареты, поскольку знала, что он курит только «Честерфильд».

— Чего шеф от тебя хотел? — закурил, осведомилась она.

— Да про «пантеру» продолжение требует.

— Убогий материал, — бросила снисходительно Нонна. У нее большинство материалов были «убогие» — те, что не попадали под разряд «полное дерьмо». — И наврал, небось, в нем три короба.

— Не врал я ничего! — возмутился Валдаев.

— Рассказывай... А вообще жути ты там нагнал. Хвалю...

Она углубилась в свой текст. Пальцы ее с треском бегали по клавишам. Она будто бы сводила какие-то счета с клавиатурой. За год она угробила их три штуки.

Валдаев нехотя вынул из «дипломата» электронную записную книжку, в которой скопились сотни имен и телефонов, притом он уже и не помнил, где и когда встречался с большинством этих людей.

Так, на «С»... «Степанов». «Семена». «Секс-панорама». «Суки»... Что за Суки? Японец, что ли? Так и не вспомнив, Валдаев вдавил пальцем кнопку, пролистнул дальше... Вот.

«Сатанистка Наташа»... Надо звонить. Главред загорелся дурным энтузиазмом, а если он загорелся, то не отвяжется. Для него письма читателей — это больное место. Если хоть одно пришло — начинается.

Валдаев пододвинул к себе аппарат и начал нащелкивать номер. Двойка постоянно западала, так что пришлось перебирать несколько раз.

— Вот гадина, — раздраженно воскликнул Валдаев.

Наконец в трубке послышались длинные гудки.

«Ну, Наташа, хоть бы тебя не было», — молил он. Неохота ему было видеть эту даму во второй раз. Никак неохота.

Месяца полтора назад один из знакомых сказал, что познакомился с девчонкой, которая принадлежит к какой-то секте, и попросил:

— Напиши о них. Хочу сделать девочке на прощание приятное. Прославить, так сказать, в широких народных массах.

— Что за секта-то? — без энтузиазма осведомился Валдаев.

— Ну, — знакомый замялся. — Они сатанисты.

— Сатане служат?

— Ну.

— Дикость, — хмыкнул Валдаев.

— Да чего дикого? Просто бесятся по молодости.

Но в газете попугать народ можно...

Оказалось все именно так. Сатанисты были просто одуревшими от безделья, наркотиков, жаждущими острых ощущений пацанами и девчонками, которым до щенячьего визга нравится цеплять на грудь